

Русистика и компаративистика. 2021. Вып. XV. С. 163–181
Russian Philology and Comparative Studies. 2021. (XV): 163–181

Научная статья

УДК 81-112

<https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>

НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИКИ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ЕЕ СВЯЗЬ С ИСТОРИЕЙ ФОРМ ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО В РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

Светлана Витальевна Власова

Университет Vytautas Magnus, Вильнюс, Литва, svetlana.vlasova@vdu.lt,
<https://orcid.org/0000-0002-5460-944X>

Аннотация. В статье речь идет о связи исторического развития прилагательного в русском и литовском языках с нейтрализацией семантики определенности/неопределенности. Исследование категории определенности/неопределенности проводится с точки зрения функциональной грамматики и теории референции (детерминации). Материалом исследования явились прилагательные, собранные из текстов Успенского сборника XII–XIII вв. Сопоставление с литовским языком позволяет сделать некоторые уточнения, касающиеся развития членных форм прилагательных в славянских и балтийских языках.

Ключевые слова: категория определенности/неопределенности, именные/членные прилагательные, церковнославянский язык, Успенский сборник XII–XIII вв., нейтрализация.

Для цитирования: Власова С.В. Нейтрализация семантики определенности и ее связь с историей форм прилагательного в русском и литовском языках // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XV. М.: Книгодел, 2021. С. 163–181. <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>.

Original article

NEUTRALIZATION OF THE SEMANTICS OF DEFINITENESS AND ITS CONNECTION WITH THE HISTORY OF FORMS OF ADJECTIVE IN THE RUSSIAN AND LITHUANIAN LANGUAGES

Svetlana Vital'evna Vlasova

Vytautas Magnus University, Vilnius, Lithuania, svetlana.vlasova@vdu.lt,
<https://orcid.org/0000-0002-5460-944X>

Abstract. The relationship the interplay between the historical development of the adjective in the Russian and Lithuanian languages and the neutralization of the semantics of a definiteness is examined in the article. The paper describes the peculiarities of the use of simple and pronominal forms of adjectives from the functional grammar and the theory of reference (determination) point of view (I.I. Revzin, N.D. Arutunova, A.D. Shmelev, S.A. Krylov, T.M. Nikolaeva). We take into account the opinion of the linguists V.V. Kolesov, A.M. Kuznetsov, N.S. Trubetskoy. The conclusions of the research are based on the analysis of all contexts with simple and pronominal forms of adjectives contained in word-index to the Uspensky codex of 12th–13th centuries. We are dealing with 1235 adjectives which are used almost 9 thousand times: there are about 4 thousand samples of usage of simple forms and about 5 thousand of pronominal forms. We suppose more than 1500 cases of simple forms of adjectives in the Uspensky codex illustrate their usage for expressing the definiteness in case if it has already been expressed by lexical means (neutralization). Lithuanian material is analyzed according to the grammars of the Lithuanian language and articles on the adjective and the problem of the definiteness/indefiniteness category in the scientific literature in the Lithuanian language (authors Ambrazas V., Valeckienė A., Spraunienė B., Paulauskienė A., Mikulskas R., Holvoet A., Tamulionienė A.). Comparison of Modern Lithuanian and Old Literary Russian language texts allows to make some clarifications regarding the development of member forms of adjectives in the Slavic and Baltic languages.

Due to inseparable pronoun-adjective joining, close and complex relations have developed between the meaning of definiteness and the semantics of different groups of adjectives. This is explained by the fact that the lexical meaning of a relative adjective itself, its word-building possibilities single out, identify the object and can present it as well-known. Distinctive semantics of adjectives would often determine sole usage of pronominal or simple forms.

In modern Lithuanian, an interrelation is also noticed between the possibility of making pronominal forms and classes of adjectives. It should be noted that this relationship is opposite in Old Russian and Modern Lithuanian.

In the Uspensky codex of the 12–13th centuries, the category of definiteness is constantly expressed using pronominal forms in the cases where it has already been previously expressed by other means, i.e. demonstrative pronouns, proper names or lexical word meanings. It is vice versa in Lithuanian: when definiteness is expressed using lexical devices (e.g. relative and compound adjectives), such forms are not used or used inconsistently (with proper names, demonstrative pronouns and appeals). Comparison with the Lithuanian language suggests that in the Old Russian language such a situation was quite possible in the beginning.

Key words: a category of definiteness/indefiniteness, simple and pronominal forms of adjectives, the Uspensky codex of XII–XIII centuries, the Church Slavonic language, neutralization.

For citation: Vlasova S. Neutralization of the semantics of definiteness and its connection with the history of forms of adjective in the Russian and Lithuanian languages. *Rusistika i komparativistika: Sb. nauch. trudov / Gl. red. S.A. Vasil'ev. Vyp. XV. Russian Philology and Comparative Studies: Collection of research papers.* M.: Knigodel, 2021; (XV): 163–181. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2021.15.10>.

© Власова С.В., 2021

Введение. В одном из примечаний составителя к изданной в 1978 г. книге И.И. Ревзина «Структура языка как моделирующей системы» содержится очень интересное замечание автора по поводу того, что следует различать два типа языков по способу выражения в них членом определенности. Первый тип характеризуется автором так: «...несовместимость с другими средствами выражения определенности или, слабее, отталкивание от них: если есть другое средство, то член не употребляется. В этом типе: а) собственные имена употребляются, как правило, без артикля; б) притяжательные, указательные, неопределенные местоимения, т. е. любые локализаторы, исключают употребление артикля. Таково положение в классических случаях западноевропейских языков (немецкий, французский, английский, испанский и т. п.). Второй тип кооперативного выражения определенности характеризуется обратным: наличие какого-то средства, подчеркивающего существование, ведет к употреблению члена. Здесь, наоборот: а) имена собственные, как правило, употребляются с членом; притяжательные, указательные и даже неопределенные местоимения ведут к выбору именно членной формы. Таково, по-видимому, исходное положение славяно-балтийских членных форм прилагательных <...>. Так описывается употребление в старославянском» [Ревзин: 229, примечание 9].

Интересно, что это предположение касательно славянских и балтийских языков никто не пытался ни подтвердить, ни развить, ни опровергнуть.

Цель данной статьи — доказать наличие связи некоторых особенностей исторического развития прилагательного в русском и литовском языках с нейтрализацией семантики определенности/неопределенности (далее — О/НО). Предположение о связи нейтрализации и истории прилагательного возникло уже давно [Власова 2006]. **Методология исследования.** Исследование форм прилагательного в свете категории О/НО проводится с точки зрения функциональной грамматики и теории референции (детерминации) современного русского языка, разработанными И.И. Ревзиным, Т.М. Николаевой, Н.Д. Арутюновой, А.Д. Шмелевым, С.А. Крыловым. На наш взгляд, при рассмотрении истории именных и членных форм прилагательных неизбежно обсуждение «категории детерминации» [Крылов], «типов референции» [Шмелев, Арутюнова] или «категории определенности/неопределенности» [Николаева, Ревзин]. Так как категория О/НО (детерминации) является особой функционально-семантической категорией, ее следует рассматривать как многоаспектное явление [Крылов: 247–248]. В работе учитывается мнение лингвистов-историков языка В.В. Колесова, А.М. Кузнецова, Н.С. Трубецкого.

В данной статье мы попытаемся описать те сегменты древнерусской языковой системы, где, на наш взгляд, развитие форм прилагательного в той или иной степени обусловлено нейтрализацией противопоставления О/НО. Речь идет о синхронном срезе на материале одного письменного памятника определенного периода, но с попыткой объяснения дальнейшего исторического развития прилагательного в русском и литовском языках. Возможность сопоставления обусловлена тем, что, как известно, местоименные прилагательные — общая особенность, унаследованная балтами и славянами из индоевропейского языка. Однако до сих пор остаются не до конца выясненными причины того, почему пути развития местоименных прилагательных в балтийских и славянских языках были разными, вплоть до противоположного. Балтийские языки до сих пор сохранили местоименные прилагательные как определенную грамматическую категорию. В литовском языке их двусложность по-прежнему осознается, но преобладающими в языке являются простые формы, местоименные формы часто используются только в литературном языке или устойчивых сочетаниях; есть диалекты, где местоименные формы вообще не используются. В славянских языках членные (позже местоименные) формы со временем сильно фонетически упростились и постепенно перестали осознаваться как двухкомпонентные образования; именно они являются в современном русском языке основными (полные прилагательные), а краткие (исторически именные, нечленные) формы все больше вытесняются на периферию языковой системы. Разница между языками в их современном состоянии

хорошо описана [Мустейкис 1972: 57–80; Мустейкис 2012: 370–376], однако сопоставление именно данных литовского языка и ранних славянских памятников в историческом аспекте позволяет сделать новые интересные наблюдения.

Материалом исследования послужили собранные нами примеры использования прилагательных в текстах источника достаточно большого объема — Успенского сборника XII–XIII вв. (далее — УС). Выводы работы базируются на основе анализа всех словоупотреблений прилагательных, зафиксированных в словоуказателе к УС, а это составляет около 9 тыс. словоупотреблений на 1235 лексем прилагательных. Из них около 5 тыс. словоупотреблений — это использование членных форм. Если учесть, что «Нейтрализация всегда осуществляется в пользу немаркированного члена противопоставления» [Колесов:136], то о нейтрализации, видимо, следует говорить в случаях использования именной формы вместо членной. Как мы думаем, из почти 4 тыс. словоупотреблений именных форм прилагательных в УС почти полторы тысячи приходится на случаи их использования для выражения определенности (хотя здесь большая часть из них приходится на 1086 словоупотреблений 166 обнаруженных в УС притяжательных прилагательных). Литовский материал анализируется по грамматикам литовского языка и статьям, посвященным прилагательному и проблеме О/НО в научной литературе на литовском языке (авторы V. Ambrazas, A. Valeckienė, B. Spraunienė, A. Paulauskienė, R. Mikulskas, A. Holvoet, A. Tamulionienė).

Основная часть

К сожалению, «причины образования членных прилагательных в значительной мере останутся для нас загадкой уже потому, что мы не имеем и никогда не будем иметь тех контекстов, в которых они реально появились» [Историческая: 86], однако некоторые утверждения все-таки можно сделать и на имеющихся текстах более позднего периода, так как «Исследование роли именных и членных форм прилагательных в функционально-коммуникативном плане позволяет найти контексты, в которых членная или именная форма употреблялись в соответствии с происхождением» [Историческая: 88–89]. Мы придерживаемся точки зрения, что в УС оппозиция членных (в другой терминологии местоименных, полных) и именных (нечленных, кратких) форм имен прилагательных еще сохраняет рефлексы былого распределения, обусловленного О/НО имени существительного. Поэтому в ряде контекстов членная форма прилагательного сигнализирует о намерении автора текста сообщить о своем предположении, что читающий в состоянии отождествить в своей памяти референт, соответствующий определенной именной группе (ИГ). Именная форма называет тот или иной признак неиндивидуализированного предмета, который слушающий не в состоянии отождествить в данный момент.

Использование именных форм в атрибутивной функции следует объяснять либо неопределенностью в случаях конкретного (актуализованного) употребления существительного, к которому относится прилагательное, либо значением принадлежности классу при нереферентном употреблении определяемого существительного.

Но так как категория О/НО имеет сложную структуру, коммуникативный и прагматический аспект, связана со значением и существительного, и прилагательного в ИГ, контекстом, то в некоторых случаях оппозиция за счет тех или иных средств нейтрализуется.

Об этом писал еще основоположник теории оппозиций Н.С. Трубецкой: «Как и все грамматические категории, понятие категории определенности реально существует только в оппозиции с противоположным понятием. Во всех языках, которые ею обладают, оппозиция определенности — неопределенности нейтрализуется или устраняется в некоторых позициях или при некоторых условиях, которые различаются от языка к языку. Вероятно, не будет преувеличением утверждать, что большинство случаев нейтрализации оппозиции определенности — неопределенности связано с функционированием системы синтагм — предикативных или детерминативных» [Трубецкой: 40]. Таким образом, под явлением нейтрализации мы имеем в виду снятие противопоставления в определенных позициях. В данной статье мы не видим оснований вступать в дискуссии по поводу обоснованности переноса понятий оппозиции и нейтрализации из фонологии в другие области грамматики. Перенос понятий оппозиции и нейтрализации в сферы лексики, морфологии, синтаксиса достаточно хорошо обосновывается современными авторами [Филимонова, Paulauskienė и др.].

В.В. Колесов в своих трудах связывает с оппозициями и нейтрализацией историческое развитие грамматических категорий. Вот что он пишет в своей неоднократно переизданной книге: «в последовательном преобразовании форм имени прилагательного можно выявить три хронологически разных этапа, каждый из которых определяется своими категориальными особенностями. На первом этапе (праславянский язык) представлена синтаксическая категория *определенности/неопределенности* в эквиполентном противопоставлении <...>. На втором этапе (древнерусский язык) включением разных типов прилагательных данное противопоставление раскладывалось на градуальное и выражало различные признаки определения; определенность порождает определения разного типа и качества, от предикатного (синтаксического) *миръ добръ* в различных вариантах (*добръ миръ*, *миръ добрый* и т. д.) до полного определения *добрый миръ*. Третий этап начинается в XVII в., его результат представлен современным литературным языком с характерной для его системы привативной оппозицией *атрибутивность/неатрибутивность* и полными формами **имени прилагатель-**

ного как морфологически самостоятельной частью речи» [Колесов: 232]. Не существует единого мнения по поводу того, какой из членов оппозиции О/НО на разных этапах развития мог быть маркированным. Предполагается, что изначально маркирован был член оппозиции со значением «определенность». Однако существует мнение, что в начале письменного периода древнерусского языка «членные формы уже не были маркированным членом оппозиции: они уже достаточно потеснили именные формы. Последние сохраняли свои функции — указания на неопределенный предмет — в довольно ограниченном круге синтаксических конструкций с четкой позицией в тексте, т. е. стали маркированным членом противопоставления» [Историческая: 148–149].

По мнению литовских языковедов, простые и местоименные формы (*praprostosios ir įvardžiutinės formos* — в соответствии с терминологией, принятой в литовской грамматике) качественных прилагательных литовского языка остаются формальными выразителями категории О/НО. Они образуют бинарную асимметричную оппозицию: местоименные формы являются отмеченным членом, имеющим признак «определенность»; простые формы данным признаком не обладают, они являются неотмеченным членом оппозиции. Относительные прилагательные местоименных форм не имеют и в эту категорию не входят [Ambrasas: 174–177, Valeckienė 1998: 261]. Замечено, что в современном литовском языке противопоставление местоименных и простых прилагательных по признаку О/НО часто подвергается нейтрализации. Называются такие ситуации: если определенность уже выражена в контексте другими средствами (указательными местоимениями, формами степеней сравнения прилагательных, лексическим значением прилагательного и др.), местоименные прилагательные могут заменяться простыми, т. е. сфера использования неотмеченного члена оппозиции расширяется [Valeckienė 1986: 169, 171]. В академических грамматиках литовского языка определенность рассматривается в числе категорий прилагательного, что небезосновательно критикуется авторами позднейших грамматик, особенно начала XXI века. Новый подход в изучении оппозиции простых и местоименных форм прилагательных литовского языка, основанный на новейших достижениях генеративной грамматики и когнитивной лингвистики, привел к выводу, что формы прилагательных являются выразителями О/НО существительного, к которому они относятся. Говорить, таким образом, стали не об определенности прилагательного, а об определенности всей ИГ [Holvoet, Tamulionienė: 12; Mikulskas: 61; Spraunienė: 136]. Уже несколько ранее Романом Рошко [Roszko: 13–20] было замечено, что описание категории О/НО в литовском языке, как оно выполнено А. Валецкене, то есть только через прилагательное, нельзя назвать удачным, так как категорию О/НО следует рассматривать гораздо шире, как семантическую категорию, которая проявляет себя только на уровне предложения, и не только в прилагатель-

ном. Автор говорит и об оппозициях, но не упоминает нейтрализации, хотя и замечает, что использование определенного артикля не всегда связано с передачей значения определенности и замечает миграцию артикля из контекста определенности в контекст неопределенности. К сожалению, остаются еще некоторые лакуны в исследовании данной категории. Литовские исследователи подчеркивают, что дистрибуция форм в современном литовском языке пока исследована недостаточно и поэтому, во-первых, не до конца ясно, что именно определяет возможности использования местоименной формы в некоторых случаях [Spraunienė: 136]. Иногда же затруднения вызывает и объяснение случаев использования простой формы, как в рассмотренном Б. Спраунене примере перевода ИГ с определенным артиклем (с артиклевого языка на литовский язык) ИГ с прилагательным в простой форме (здесь при повторном употреблении определенной ИГ ожидалась бы местоименная форма): *Tik po to jis paėmė vieną baltą pėstininką ir vieną juodą ... Iš saujos išslydo baltas pėstininkas* [Spraunienė: 125, еще примеры 121–127] «Только после этого он взял одну белую пешку и одну черную <...> Из ладони выскользнула белая пешка»¹. Во-вторых, исследователи отмечают, что затруднительно сказать, насколько и в каких случаях обозначение определенности vs. неопределенности формой прилагательного является обязательным [Mikulska: 33].

По нашим наблюдениям, нейтрализацию противопоставления О/НО в формах прилагательного в УС можно наблюдать **в следующих случаях:**

1. Именная форма прилагательного используется при выражении определенности, если определенность **уже была выражена в прилагательном лексически либо при помощи словообразовательных средств**. Здесь свою роль сыграл тот фактор, что формальный показатель определенности в балтийских и славянских языках присоединился не к существительному, а к прилагательному. Это привело к сложному взаимодействию между значением О/НО и семантикой разных групп прилагательных в ИГ, замеченному уже в середине прошлого века [Якубинский; Толстой]. С одной стороны, классифицирующая семантика прилагательного уже сама по себе индивидуализирует предмет, поэтому она не противоречит употреблению членной формы прилагательного, с другой стороны, здесь вполне достаточно и употребления именной формы (нейтрализация). Первый вариант мы видим у большинства относительных прилагательных в УС (особенно темпоральных и локативных), а второй — у притяжательных прилагательных. Так, в УС членная форма только появляется у притяжательных прилагательных (лишь 6 словоупотреблений в членной форме и 1086 в именной на 166 лексем притяжательных прилагательных). От лексического значения

¹ Перевод литовских примеров (кроме примеров из грамматики литовского языка на русском языке) здесь и далее наш. — С. В.

во многом зависит использование именной или членной формы и у одной группы прилагательных с суффиксом **-ьск-**. У этой группы именная форма преобладает в посессивном значении, конкурирует с членной в относительном, и преобладает членная форма в качественном значении, подробнее [Власова 2015].

В современном литовском языке нет притяжательных прилагательных, их роль выполняет родительный падеж существительного. Если говорить о других разрядах, то местоименными формами обладают только качественные прилагательные. Относительные прилагательные, имеющие разнообразные суффиксы, в частности, **-inis**, **-ienis**, **-ainis**, **-ykštis**, **-iškis**, **-otis**, **-uotis**, **-uolis**, **-uonis** и др., а также производные прилагательные с основой на **-ia**, **-ė** местоименных форм не образуют вообще. По мнению литовских лингвистов, причина этого в том, что в функциональном отношении эти прилагательные очень похожи на местоименные: они тоже обозначают свойство, выделяющее предмет или образующее значение вида, сорта предмета. То есть суффикс относительного прилагательного уже содержит в себе выделительное значение, поэтому нет необходимости повторно обозначать то же самое значение еще и местоименным окончанием [Valeckienė 1957, 267–279]. Интересно, что А. Валецкене даже делит прилагательные на две группы как 1) качественные и 2) классифицирующие, то есть обозначающие связанный с классификацией, распределением, выделением признак. Она также отмечает, что в роли классифицирующих прилагательных используются местоименные формы качественных прилагательных, когда они выступают в оппозиции с простыми формами [Valeckienė 1998: 124–125]. Более подробно об этом на примере прилагательных с суффиксом **-inis** и соответствующих древнерусских прилагательных с суффиксами **-ьн-** и **-ьн-**, см. [Власова 2011]. В литовском языке прилагательные с суффиксом **-inis** не образуют местоименных форм ввиду своей лексической определенности, а в текстах УС соответствующие им образования с суффиксом **-ьн-** не имеют именных форм, ввиду все той же лексической определенности. То есть получается, что литовский язык избегает избыточной маркировки: если значение выделительное уже передано суффиксом, нет необходимости в местоименной форме (аналогичную ситуацию в древнерусском языке мы видим с притяжательными прилагательными).

2. К случаям нейтрализации мы относим также немногочисленные в УС случаи употребления именной формы в роли определения к **уникальным существительным**, а также в сочетаниях с **именами собственными**. Денотатом уникальных имен существительных является предмет, единственный в своем роде. Поэтому они всегда имеют определенную референцию и употребляются в УС в большинстве случаев с членным прилагательным. В церковнославянских текстах это такие понятия, как «ад», «дьявол», «рай», «Бог», «Дух», «сын» (как лица Троицы), «Богородица»,

«Евангелие». Некоторые из них уникальны уже потому, что не существует одноименных с ними предметов. То есть выражение определенности здесь при помощи членного прилагательного можно считать в какой-то мере излишним, формальным показателем, дублирующим семантическую определенность. Опять мы видим, что лексически выраженная определенность не требует дополнительного грамматического оформления в виде членной формы, но и не противоречит ему. Со словами «Бог», «Дух», «сын» предпочтительна членная форма, так как они единичны, уникальны только в христианских текстах, но могут иметь и значение неединичных предметов. Немногочисленные примеры типа дхъ истиньнѣ иже въ оца исходитъ 102г3 или сѣа кдинородьна 27063–4, видимо, объясняются влиянием церковнославянской книжной традиции (возможно, сохраняющей более раннее состояние), и тем не менее, это нейтрализация, так как в сочетаниях несомненно имеется определенная ИГ. Возможно, что в текстах УС именные формы могут быть редкими остатками более раннего состояния языка (когда тоже была характерна нейтрализация), сохранившимися в речевых формулах. Подробнее о формах прилагательных и уникальных понятиях см. [Власова 2016].

Особым семантическим статусом в языке обладают и имена собственные. «При стандартном употреблении имени собственного референт предполагается известным адресату речи» [Шмелев: 50]. Главная функция собственных имен — идентификация, выделение (индивидуализация) объектов. Так как они чаще всего в тексте имеют определенную референцию, они употребляются всегда только с членным прилагательным: слово премудраго соломона 11а15; сего сѣопѣка оканьнаго 8в22; блженъи же борисъ 10г10. Именная форма в роли определения к имени собственному в УС — большая редкость (мы нашли всего 2 примера). В первом из них именная форма вполне вписывается в логику неопределенной референции, так как налицо метафорическое значение, где имя собственное функционирует как обобщенное нарицательное: принесѣхъ кси владѣцѣ жьртвоу чистоу · непорочно приношение нова 273б16. В тексте речь идет о любом человеке, безропотно принявшем потерю собственного ребенка, поэтому под новым Исааком имеется в виду любой безвременно ушедший ребенок (неопределенность). Причем показателем метафоричности является здесь именно прилагательное, т. е. «определение, несовместимое с «прямым» пониманием имени» [Шмелев: 49]. Второй случай будет рассмотрен ниже, так как он содержит в себе сложное прилагательное.

В случае уникального имени предмета значение определенности характерно уже для самого имени, называющего объект, то есть значение прилагательного не участвует в формировании значения определенно-

¹ Все примеры из УС цитируются по изданию [Успенский сборник XII–XIII вв.], указываются лист, столбец и строка, в которой находится анализируемое прилагательное.

сти. В современном литовском языке в похожих случаях лексической определенности имени в употреблении простых и местоименных форм допустимы колебания, связанные с нейтрализацией. В частности, в сочетаниях с именами собственными часто стоят местоименные формы, но возможны и простые. Приведем примеры колеблющегося употребления сочетания *senasis/senas Vilnius* — *старый Вильнюс* (собраны нами на интернет-сайтах Литвы): *Paroda «Senas ir naujas Vilnius» — Выставка «Старый и новый Вильнюс»*; *«Senas Vilnius» VU gidas — «Старый Вильнюс» гид ВУ*; *«Senas-naujas Vilnius: kaip miestas pasikeitė per šimtmetį» — «Старый-новый Вильнюс: как город изменился за столетие»*; *«Senasis Vilnius», UAB — «Старый Вильнюс» ЗАО*; *Matote vieno iš garsiausių senojo Vilniaus fotografų S. Fleury nuotrauką, kurioje užfiksuotos maudynės Neryje. O kokios jos buvo, senojo Vilniaus maudyklės? — Вы видите фотографию одного из самых известных фотографов старого Вильнюса С. Флери, на которой запечатлено купание в Нерис. А какими они были, купальни старого Вильнюса?*

3. Мы допускаем мысль, что сложные прилагательные могли иметь особый статус в церковнославянском тексте. Об этом говорят редкие примеры употребления в УС именных форм **сложных прилагательных** в позиции несомненной определенности и примеры вариативности форм в идентичных условиях. В текстах УС у сложных прилагательных наличествуют обе формы, их распределение зависит от синтаксической функции и О/НО определяемого слова [Власова 2006, 13–14]. Возможно, такие сложные прилагательные, как **лѡвоименитѣнъ**, **великогласъ**, **блгооуханьнъ**, **крѣвоточива**, **зѣлокъзньнѣи**, **медоточьнѣи**, **златокровьнѣи** и др., были плодом искусной речи, словотворчества древнерусских писцов, создававших текст [Историческая: 29], но проблема выбора именной или членной формы перед писцом все равно стояла. Едва ли случайностью является употребление именной формы именно сложного прилагательного в роли определения к имени собственному (как мы сказали выше, таких примеров в УС всего два): **ВЕЛИКОГЛАСЪ** же исана · **снѣ** амосовѣ **прѣрка** · **кже** **ѡп** **прѣрка** **прѣркѣ** **проповѣда** **намѣ** 268г31, а также варианты в контекстно почти идентичных примерах **моудростию** **ѡ** **ѡ** **ѡ** **цвѣтъ** **блгооуханьнѣи** **цвѣтъи** 110в22-23 и **моудростию** **цвѣтоуца** **присно** **ѡ** **цвѣтъѣ** **благосуханьнѣи** 110б19-20. Видимо, особый характер подобных слов писцом осознавался, их лексическая определенность достаточно очевидна и тоже может не оформляться членной формой. Осознать подобные примеры помогает сопоставление с фактами литовского языка: в современном литовском языке местоименные формы от сложных прилагательных не употребляются. Объясняется это тем, что сложные прилагательные обычно называют какое-либо узкое, специфическое свойство, характерное для одного какого-то предмета или вида предметов, достаточное для его однозначной идентификации, поэтому местоименный компонент при них изли-

шен. Напр.: *Dykaviduriai jurginai ne tokie gražūs* [Valeckienė 1957: 279–285] — Георгины с пустой / поллой серединой (букв. пустосередые) не такие красивые. Тогда возможно, что это тоже отражение более древнего состояния древнерусского языка.

4. Нейтрализация при наличии **других идентифицирующих средств** (например, указательных местоимений). Устранение оппозиции О/НО у определяемого при наличии демонстратива замечено еще Трубецким: «Существительные, уточняемые демонстративами, находятся вне оппозиции определенности — неопределенности почти во всех языках», однако «в старославянском, где понятие определенности было выражено специальными формами прилагательного («случай С»), определенность могла отличаться от неопределенности даже в сочетании с указательным местоимением» [Трубецкой, (примечание 6)].

При наличии указательных местоимений в УС употребляются членные формы прилагательного, хотя сами такие сочетания достаточно редки: *о сеи одежи хощѣ мнози несъмъслънии рѹгахоу сѧ кмоу* 43a7-8; и *причетати сѧ неправдѣнѣмъ томъ съвѣтѣ* 58a14. Подобные случаи мы относим к анафорической определенности, она основана на тождественности объектов номинаций (кореферентности). Появление тут указательного местоимения при членном прилагательном исследователи называют его «восстановлением» и считают свидетельством разрушения выражения категории О/НО формами прилагательного [Историческая: 87], считая, что местоимение тут излишне, оно стало добавляться позже, когда полной формы стало недостаточно для идентификации. Однако, по нашим наблюдениям, можно заметить следующую закономерность: местоимение чаще встречается при идентификации предметов и абстрактных понятий, особенно при смене наименования предмета. Для идентификации лица указательное местоимение используется крайне редко. Наименования лиц ввиду особенностей своего лексического значения в состоянии идентифицировать объект в сочетании с прилагательным и без указательного местоимения [Власова 2015]. То есть функция местоимения — помощь в идентификации, когда она может быть затруднена, например, из-за большого референциального расстояния от анафора до antecedента или из-за смены наименования предмета. Довольно часты случаи использования местоимения для эмфатического выделения.

Сходные случаи анафорической определенности известного или упомянутого выше предмета представлены как ядро категории в литовской грамматике. Признак предмета при его первом упоминании обозначается простым прилагательным (если оно есть) или описательно. Признак предмета при повторном его упоминании обозначается местоименным прилагательным. Так, рассказ Й. Билюнаса «Светоч счастья» начинается

с таких слов: *Ant aukšto stataus kalno pasirodė stebuklingas žibūrys* «На высокой крутой горе появился волшебный светоч». Далее слово *žibūrys* (светоч), обозначающее уже известный предмет, имеет при себе определение в форме местоименного прилагательного: *Dar nė vienas iš lipančiųjų... nepasilytėjo stebuklingojo žibūrio* «До сих пор еще никто из поднимающихся... не прикоснулся к (этому) волшебному светочу». Местоименные прилагательные могут сопровождаться указательными местоимениями *tas, ta* «тот, та», *šis, ši, šitas*, -а «этот, эта», особенно при смене наименования предмета, напр.: *Ir štai iš tankių medžių pasirodė trys puikios, baltos gulbės... Ančiukas pažino tuos nuostabiusius paukščius, ir jam kažin ko labai pailgo* «И вот из-за густых деревьев показались три прекрасных белых лебедя... Утенок узнал этих чудесных птиц, и ему почему-то стало очень тоскливо» [Valeckienė: 1998, 263–264] (замена лебедей — птиц). В литовском языке в этом случае возможна нейтрализация: когда при прилагательном имеется указательное местоимение, которое одно в состоянии идентифицировать предмет, местоименная форма становится необязательной, как в примере *Tai buvo nepaprastas kirvukas. Užtenka su juo patrinti skaudamą vietą, ir — pagydo... Su tuo stebuklingu kirvuku ir pagydė Vincę* «Это был необыкновенный топорик. Хватало потереть им больное место, и — вылечено... Этим волшебным топориком и вылечили Винце» [Ambrasas: 175].

5. **Звательный падеж** функционально приспособлен выражать обращение говорящего к лицу или риторически к неодушевленному предмету. Естественно, что это лицо или предмет известны говорящему, выделены уже тем, что к ним обращено высказывание. Прилагательные, согласующиеся с существительными в форме звательного падежа, в УС используются в членной форме: *мильи гнѣ наю и драгыи* 11г2-3; *свѣтъ намъ въс добрыи оучителю* 99в26; *радоуи сѧ крѣсте чьстьныи ... крѣсте славьныи* 88в5, 10-11. Параллельно употребляются прилагательные с флексией звательной формы: *прещедрѣи и премилостивѣ ги слъзъ моихъ не премълчи* 14в19-20, но «эти формы в систему живого древнерусского языка, скорее всего, не входили», звательная форма «была известна только у ограниченного круга лексем качественных прилагательных (оценочная лексика), они же сохраняют эту форму в более поздних рукописях церковного содержания», в том числе и в УС [Историческая: 42, 43]. Несмотря на отсутствие здесь именных форм в УС (вместо них звательные формы), мы видим некий параллелизм с литовским языком, хотя в литовском языке флексия звательной формы есть только у существительных, но не у прилагательных. В литовском языке с существительным в звательной форме местоименные формы употребляются опять-таки непоследовательно. В равной степени можно сказать *mielasis drauge* и *mielas drauge* [Valeckienė 1957: 205] — «милый друг». По-видимому, лексическая определенность

тут поддерживается тем, что литовский язык сохраняет звательный падеж, утраченный со временем древнерусским языком, флексия звательного падежа сама по себе достаточна для идентификации.

6. Случаи однозначного понимания ситуации **из контекста**, как в примере и цѣловавъ мощи вѣложиша въ ракоу камѣноу · по семь вѣзьмѣше глѣба въ рацѣ камѣнѣ вѣставиѣше на сани · и повезоша 20г8–10. Несомненно, во втором случае называется та же самая каменная рака (определенность ИГ), но, по-видимому, нет коммуникативной необходимости идентифицировать её. Скорее всего, специальное средство, обеспечивающее референцию, отсутствует из-за того, что ситуацию можно понять только однозначно благодаря тождественности ИГ и близкому референциальному расстоянию повторяющихся ИГ друг к другу. Такие случаи можно считать случаями нейтрализации, когда средством идентификации в достаточной степени является контекст, поэтому определенность ИГ может быть обеспечена и при наличии именной формы прилагательного. Мы сюда отнесли бы и приведенный выше «необъясненный» случай использования простой формы в литовском языке: *Tik po to jis paėmė vieną baltą pėstininką ir vieną juodą ... Iš saujos išslydo baltas pėstininkas* [Spraunienė: 125].

Выводы

Итак, в УС, где все еще можно наблюдать рефлексы былого распределения форм прилагательных по признаку О/НО, ИГ с членной формой выражает определенность, а ИГ с именной формой может быть как определенной, так и неопределенной. Употребление членных / именных форм может корректироваться разными факторами (лексическим значением самого прилагательного, формой и значением определяемого существительного в ИГ, наличием местоимений и контекстом), в результате взаимодействия которых может произойти нейтрализация условий О/НО. Иногда это может касаться целого класса прилагательных: притяжательные прилагательные и прилагательные с суффиксом **-ьск-** в посессивном значении в УС преимущественно не имели членных форм. В других случаях это могут быть примеры немногочисленного остаточного (более древнего, как мы думаем) употребления: именная форма прилагательных в сочетаниях с уникальными существительными или у сложных прилагательных. В таком случае, возможно, дело системного предпочтения: не использовать член или все-таки «подкрепить» идентификацию еще и членом. Как нам кажется, тексты УС и примеры из литовского языка отражают разные пути: в литовском избегают дополнительного «подкрепления» определенности еще и местоименной формой, если она выражена другими средствами, а в древнерусском нет.

Таким образом, видимо, некоторое уточнение требуется по поводу высказывания об исходном положении славяно-балтийских членных форм прилагательных: вполне вероятно, что литовский язык окажется в неко-

торой степени ближе к другим западноевропейским языкам, чем некоторые славянские языки. Если согласиться с И.И. Ревзиным, что изначально положение у балтов и славян было сходным, то следует искать ответ, на каком этапе могло произойти расхождение. Как мы видим, в литовском языке при наличии лексической определенности прилагательного (случай с относительными и сложными прилагательными), при именах собственных, звательном падеже и в случае с указательными местоимениями, происходит нейтрализация и именная форма заменяет местоименную или конкурирует с ней, то есть в литовском языке при наличии другого средства идентификации член при прилагательном не используется гораздо чаще, чем в древнерусском языке. А в древнерусском языке, действительно, наличие любого другого «локализатора» (по Ревзину) приводит еще и к употреблению формы прилагательного с членом. Возможно, этот факт позволит несколько скорректировать типологические данные. Как известно, по наличию конструкции обладания (aš turiu — я имею, русск. у меня есть) литовский язык также ближе к западноевропейским языкам, или западнославянским (например, польскому), чем к русскому. Если же говорить о названных В.В. Колесовым этапах преобразования форм прилагательного в приложении к теории оппозиции, то она находит свое подтверждение, так как язык УС, видимо, и отражает как раз переходный этап между праславянской синтаксической категорией О/НО в эквиополентном противопоставлении и распадением его на градуальное именно из-за включения в данное противопоставление разных типов прилагательных.

Литература

Власова С. Роль категории определенности / неопределенности в развитии прилагательного в древнерусском и литовском языках // *Acta Baltica Slavica*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk, 2006. № 30. С.181–198.

Власова С. Категория определенности/неопределенности и формы прилагательных, называющих материал, в церковнославянском и литовском языках (исторический аспект) // *Русистика и компаративистика: Сборник научных статей*. Вып. VI. Vilnius—Maskva: Edukologija, 2011. Р. 180–190.

Власова С.В. Прилагательные с суффиксом -ьск- и категория определенности/неопределенности в церковнославянском языке (в сопоставлении с прилагательными с суффиксом -iškas в литовском языке) // *Русистика и компаративистика: Сборник научных статей*. Вильнюс; М.: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla, 2015. Вып. X. Р. 7–27.

Власова С. Формы прилагательных и определенность уникального объекта в церковнославянском тексте XII–XIII вв. // *Kalba ir kontekstai: mokslo darbai*. 2016. Т. 7 (1). Д. 1. С. 164–172.

Историческая грамматика древнерусского языка / Под ред. В.Б. Крысько. М.: Азбуковник, 2006. Т. III. 496 с.

Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка: Учебник для высших учебных заведений Российской Федерации. СПб.: СПбГУ, 2010. 512 с.

Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: Теоретические проблемы // Семиотика и информатика, 1984, вып. 23. С. 124–154.

Мустейкис К. Сопоставительная морфология русского и литовского языков. Вильнюс: Минтис, 1972. 286 с.

Мустейкис К. Функциональная грамматика русского и литовского языков: Монография. Vilnius: Edukologija, 2012. 466 p.

Ревзин И.И. Структура языка как моделирующей системы. М.: Наука, 1978. 287 с.

Толстой Н.И. Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // Вопросы славянского языкознания, вып. 2. Москва, 1957. С. 43–122.

Трубецкой Н.С. Отношение между определяемым, определением и определенностью // Избранные труды по филологии. М.: Прогресс, 1987. С. 37–43. Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-87c.htm>. Дата обращения: 29.11.2021.

Успенский сборник XII–XIII вв. Изд. подг. О.А. Князевская и др. М.: Наука, 1971. 751 с.

Филимонова Ю.В. Системное исследование нейтрализации как явления языковой нормы в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ярославль, 2000. 210 с.

Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002. 496 с.

Якубинский Л.П. История древнерусского языка. М.: Учпедгиз, 1953. 368 с.

Ambrazas V. (red.) Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997. 742 p.

Holvoet A. Tamulionienė A. Apibrėžtumo kategorija // Daiktavardinio junginio tyrimai / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. P. 11–32.

Mikulskas R. Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva // Daiktavardinio junginio tyrimai / Red. A. Holvoet, R. Mikulskas. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2006. P. 33–65.

Paulauskienė A. Opozicijos ir jų neutralizacija gramatinių kategorijų paradigmoje // Kalbų studijos. (Studies about Languages). 2008. №. 13. P. 5–14.

Roszko R. Semantinė apibrėžtumo / neapibrėžtumo kategorija (lietuvių ir lenkų kalbose). Respectus philologicus. 2002. Nr. 1. P. 13–20.

Spraunienė B. Paprastųjų ir įvardžiuotinių būdvardžių opozicija lietuvių kalboje kaip apibrėžtumo sistema // *Acta Linguistica Lithuanica*. 2008. Vol. 59. P. 109–139.

Valeckienė A. Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiuotinių būdvardžių vartojimas // *Literatūra ir kalba*. 1957. Vol. 2. P. 159–355.

Valeckienė A. Apibrėžtumo/neapibrėžtumo kategorija ir pirminė įvardžiuotinių būdvardžių reikšmė // *Lietuvių kalbotyros klausimai XXV: Lietuvių kalbos sintaksės tyrinėjimai*. Vilnius, 1986. P. 168–189.

Valeckienė A. Funkcinė lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1998. 416 p.

References

Vlasova S. (2006). Rol' kategorii opredelennosti/neopredelennosti v razvitii prilagatel'nogo v drevnerusskom i litovskom jazykah [The Role of the Definiteness/Indefiniteness Category in the Development of Adjectives in Old Russian and Lithuanian]. *Acta Baltico Slavica*. Warszawa: Instytut Slawistyki Polskiej Akademii Nauk. № 30. Pp.181–198. (In Russ.).

Vlasova S. (2011). Kategorija opredelennosti/neopredelennosti i formy prilagatel'nyh, nazyvajushchih material, v cerkovnoslavjanskom i litovskom jazykah (istoricheskij aspekt). [Category of definiteness/indefiniteness and the form of the adjectives naming a material in the Church Slavonic and Lithuanian languages (historical aspect)]. *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh statej* [Russian Philology and Comparative Studies. Collection of scientific articles]. Rel. VI. Vilnius–Moscow: Edukologija. Pp. 180–190. (In Russ.).

Vlasova S.V. (2015). Prilagatel'nye s suffiksom -'sk- i kategorija opredelennosti/neopredelennosti v cerkovnoslavjanskom jazyke (v sopostavlenii s prilagatel'nymi s suffiksom -iškas v litovskom jazyke) [Adjectives with the suffix -sk- and category of definiteness/indefiniteness in the Church Slavonic language (in comparison with adjectives with the suffix -iškas in Lithuanian)]. *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh statej* [Russian Philology and Comparative Studies. Collection of scientific articles]. Vil'njus — Moscow: Lietuvos edukologijos universiteto leidykla. Rel. X. Pp. 7–27. (In Russ.).

Vlasova S. (2016). Formy prilagatel'nyh i opredelennost' unikal'nogo objekta v cerkovnoslavjanskom tekste XII–XIII vv. [Forms of adjectives and the definiteness of a unique object in the Church Slavonic text of the 12–13th]. *Kalba ir kontekstai: mokslo darbai*. T. 7 (1), D. 1. Pp. 164–172. (In Russ.).

Istoricheskaja grammatika drevnerusskogo jazyka [Historical grammar of the Old Russian language]. Pod red. V.B. Krys'ko. Moscow: Azbukovnik, 2006. T. 3. 496 p. (In Russ.).

Kolesov V.V. (2010). *Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Saint Petersburg.: SPbGU. 512 p. (In Russ.).

Krylov S.A. (1984). Determinacija imeni v ruskom jazyke: Teoreticheskie problemy [Determination of Nominal in Russian: Theoretical problems.]. *Semiotika i informatika* [Semiotics and Informatics]. Rel. Pp. 124–154. (In Russ.).

Musteikis K. (1972). *Sopostavitel'naja morfologija russkogo i litovskogo jazykov* [Contrastive morphology of the Russian and Lithuanian languages]. Vil'nius: Mintis. 286 p. (In Russ.).

Musteikis K. (2012). *Funkcional'naja grammatika russkogo i litovskogo jazykov* [Functional grammar of Russian and Lithuanian languages]. Vilnius: Edukologija. 466 p. (In Russ.).

Revzin I.I. (1978). *Struktura jazyka kak modelirujushhej sistemy*. [The structure of the language as a modeling system] Moscow: Nauka, 287 p. (In Russ.).

Tolstoj N.I. (1957). Znachenie kratkih i polnyh form prilagatel'nyh v staroslavjanskom jazyke [The meaning of short and full forms of adjectives in the Old Church Slavonic]. *Voprosy slavjanskogo jazykoznanija* [Issues of Slavic Linguistics]. Rel. 2. Moscow. Pp. 43–122. (In Russ.).

Trubeckoj N.S. (1987). Otnoshenie mezhdru opredeljaemym, opredeleniem i opredelennost'ju [The relationship between determinable, definition and definiteness]. *Izbrannye trudy po filologii* [Selected Works on Philology]. Moscow: Progress. Pp. 37–43. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/trubetskoy-87c.htm> (accessed:) (In Russ.).

Uspenskij sbornik XII–XIII vv. [The Uspensky codex of XII–XIII centuries] Izd. podg. O.A. Knjazevskaja i dr. Moscow: Nauka, 1971. 751 p. (In Russ.).

Filimonova Ju.V. (2000). Sistemnoe issledovanie nejtralizacii kak javlenija jazykovoju normy v sovremennom ruskom jazyke: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: [A systemic study of neutralization as a phenomenon of linguistic norms in modern Russian: dissertation ... of a candidate of philological sciences] 10.02.01. Jaroslavl'. 210 p. (In Russ.).

Jakubinskij L.P. (1953). *Istorija drevnerusskogo jazyka* [History of the Old Russian language] Moscow: Uchpedgiz. 368 p. (In Russ.).

Shmelev A.D. (2002). *Russkij jazyk i vnezazykovaja dejstvitel'nost'*. [Russian language and non-linguistic reality]. Moscow: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 496 p.

Ambrazas V. (1997). Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 742 p.

Holvoet A. (2006). Tamulionienė A. Apibrėžtumo kategorija. *Daiktavardinio junginio tyrimai*. (Red. A. Holvoet, R. Mikulskas). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. Pp. 11–32.

Mikulskas R. (2006). Apibrėžiamųjų būdvardžių aprašo perspektyva. *Daiktavardinio junginio tyrimai*. (Red. A. Holvoet, R. Mikulskas). Vilnius: Lietuvių kalbos institutas. Pp. 33–65.

Paulauskienė A. (2008). Opozicijos ir jų neutralizacija gramatinių kategorijų paradigmos. *Kalbų studijos. (Studies about Languages)*. No. 13. Pp. 5–14.

Roszkó R. (2002). Semantinė apibrėžtumo. *Neapibrėžtumo kategorija (lietuvių ir lenkų kalbose)*. *Respectus philologicus*. No. 1. Pp. 13–20.

Spraunienė B. (2008). Paprastųjų ir įvardžiutinių būdvardžių opozicija lietuvių kalboje kaip apibrėžtumo sistema. *Acta Linguistica Lithuanica*. Vol. 59. Pp. 109–139.

Valeckienė A. (1957). Dabartinės lietuvių kalbos įvardžiutinių būdvardžių vartojimas. *Literatūra ir kalba*. Vol. 2. Pp. 159–355.

Valeckienė A. (1986). Apibrėžtumo/neapibrėžtumo kategorija ir pirminė įvardžiutinių būdvardžių reikšmė. *Lietuvių kalbotyros klausimai XXV: Lietuvių kalbos sintaksės tyrinėjimai*. Vilnius. Pp. 168–189.

Valeckienė A. (1998). *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas. 416 p.

Статья поступила в редакцию 01.07.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 27.09.2021.

The article was submitted 01.07.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication 27.09.2021.

Информация об авторе

Светлана Витальевна Власова — доктор гуманитарных наук (PhD); доцент; доцент Образовательной академии Университета Vytautas Magnus (Вильнюс, Литва); сфера научных интересов: историческая грамматика русского языка, балто-славянские языковые связи, сопоставительная грамматика русского и литовского языков, церковнославянский язык.

Information about the author

Svetlana Vital'evna Vlasova; PhD in Philology; Associate Professor; Education Academy at the Vytautas Magnus University (Vilnius, Lithuania); research interests: historical grammar of Russian language, Balto-Slavic language connections, comparative grammar of the Russian and Lithuanian languages, the Church Slavonic language.